

«ОН ЗАВЕЩАЛ ПЕТЬ И ПОБЕЖДАТЬ» БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОГО ПОЭТА Д.В. ДАВИДОВА.

МАТЕРИАЛЫ ШКОЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В.А. КОПЫЛОВ, И.В. ЛЕСНИК

Не шутя, хотя и непристойно о себе говорить, я принадлежу к числу самых поэтических лиц русской армии не как поэт, но как воин; многие обстоятельства моей жизни дают мне на это полное право...

Д.В. Давыдов

Эрудированный, заинтересованный в результатах своей деятельности педагог имеет собственный взгляд на подбор материала при изучении той или иной темы. Полно реализовать личностное начало педагогу позволяет внеурочная работа, в формах которой можно ликвидировать программные «недочёты», расширив и углубив представления ребят, осуществить свои идеи, выйдя за рамки предметной программы, обретая большую свободу в выборе вопросов для рассмотрения.

Удивительная, насыщенная великими событиями история России начала XIX века («Был век бурный, дивный век, / Громкий, величавый...» — Д.В. Давыдов) может достаточно полно и точно рассмотрена при изучении жизни и творчества русского поэта, участника многочисленных войн того времени, Дениса Васильевича Давыдова.

Раскрытие материала в оптимальном варианте может быть осуществлено на двух уровнях. Сначала в тему погружаются члены литературно-исторического клуба, изучая поэзию и прозу Давыдова, его военную деятельность, штудирова научно-исследовательскую литературу о жизни и творчестве поэта-партизана. Главным произведением являются «Военные записки партизана Дениса Давыдова». Это талантливо написанное сочинение — мемуары нашего героя. Обращаем внимание на то, что мемуарная литература в школе не изучается. Предоставляется возможность восполнить «упущение» программы. На первом этапе при направляющей роли педагога проявляются способности ребят к самостоятельной исследовательской и творческой деятельности. На заседаниях клуба происходит обсуждение интересных и актуальных проблем, обозначенных не только руководителем, но, прежде всего, школьниками. Важно, чтобы педагог сохранил целостность изучения темы, не допустил упущения главных познавательных вопросов и возможностей формирования у ребят нравственных ценностей. На следующем этапе, достаточно глубоко вникнув в материал, члены литературно-исторического объединения проводят цикл общешкольных мероприятий:

- ♦ читательскую научную конференцию для учащихся 9–11-х классов «Боевая деятельность и творчество русского поэта Д.В. Давыдова»;
- ♦ литературно-музыкальную композицию для учащихся 9–11-х классов «Я не поэт, я — партизан, казак»;
- ♦ классные часы в 7–8-х классах «За тебя на чёрта рад, / Наша матушка Россия!».

Представляем коллегам часть материалов, на которых было сконцентрировано внимание школьников. Эти материалы содержат, на наш взгляд, оригинальные суждения педагогов и ребят — членов историко-литературного клуба.

Предвидение великого Суворова

Пойти по военной стезе Денис Давыдов был обречён по принадлежности к дворянскому сословию. «Я рождён для службы царской», — утверждал он в своих знаменитых стихах. Московским государям, России служили его предки. Отец был командиром легкоконного полка, многочисленных Давыдовых даже путали в армии.

С раннего детства Денис — в армейской среде, живёт в военных лагерях среди офицеров и солдат, получает воинское воспитание в полку своего отца. В воспоминаниях Давыдова строчки, посвящённые отношениям с казаками и солдатами, дышат любовью и уважением к суровой воинской жизни. «Как резвому ребёнку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря», — писал Давыдов. Мальчику навсегда запомнился грохот в степи от топота тысяч копыт уводимой Суворовым конницы. Для девятилетнего ребёнка, бредившего военными подвигами, видеть выдающегося полководца было счастьем. «Я...говорил и мечтал только о Суворове»[4]. Да и через сорок лет Давыдов с нескрываемым восторгом в мельчайших подробностях описал свои впечатления от встречи с гениальным полководцем. «...Тип всего военного, русского родного военного, не был ли тогда Суворов?»[4]

Встреча с великим Суворовым и его пророчество выглядят вполне закономерно. Александр Васильевич благословил маленького Дениса на ратные подвиги: «Этот будет военным человеком! Я не умру, а он выиграет три сражения»[4]. Что это? Порадовать, поддержать хотел мальчишку в его мечтах или почувствовал неординарную военную судьбу сорванца? Человеком Суворов был необыкновенным!

Пусть грянет Русь военною грозой — Я в этой песне запевало!

Можно посчитать эти строчки хвастливыми, если бы они не были правдивы и точны. Боевая служба — основное занятие в жизни Давыдова, и он в военном деле «виртуоз». Давыдов принимает участие почти во всех войнах начала XIX века — великолепная возможность проявить себя гусару. «Блаженная была эпоха для храбрости! Широкое было поприще для надежд честолюбия!»[4]

Сведения о боевой деятельности поэта-воина мы черпаем, прежде всего, из «Военных записок партизана Дениса Давыдова». Воспоминания Давыдова — незаменимый исторический источник. Давыдову было присуще понимание величия исторических событий, участником которых он являлся, необходимости сохранения их в памяти потомков. С горечью писал он о равнодушии «к исполинским, к эпическим событиям того времени» свидетелей, оставшихся в живых. Автор опирался не только на личные впечатления, рассказы очевидцев, но и на официальные документы, развенчивая лживые мифы, создаваемые до сих пор о тех войнах. Он опасался, что неверные представления могут утвердиться в памяти людей, «как увековечились в нём все те ложные предания, кои равнодушие людей поленилось исследовать, повторяя беспечно то, что уже было другими сказано»[4]. Печатляет обращение к «исследователям», без зазрения совести искажающим историческую истину: «...не отнимай у меня дел моих, не стирай с сабли моей кровавых обрызгов, сих отпечатков чести, купленных мною трудами и ежеминутною жертвою жизни.... Это моя собственность; это мой участок в славе земляков моих...»[4].

Давыдов даёт анализ боевых действий, оценку деятельности командующих, объясняет причины неудач и побед (выводы автора мы можем встретить в трудах современных историков), а главное, представляет богатый фактический материал. Боевые будни предстают перед нами от лица их непосредственного участника. Во всём своём величии раскрывает-

ся перед нами героизм русской армии в наполеоновских войнах, подвиг русского народа в 1812 году.

Денис Васильевич может откровенно с иронией рассказывать о совершённых им глупостях в поучение молодёжи (см. «Урок сорванцу»), или неприятных ощущениях после впервые увиденного им поля боя, сплошь покрытого трупами солдат. Для него важно преодоление ошибок и слабостей. Так рождался славный воин.

Боевые товарищи

*Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует.*

Колоритно, с уважением, часто с ощущаемой любовью описаны боевые соратники Давыдова. Подкупает точность, яркость характеристик, моральная оценка действующих лиц.

*Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.*

Денис Васильевич очарован старшим товарищем Яковом Петровичем Кульневым — «незабвенным другом и боевым собратом», которому посвящён очерк «Воспоминание о Кульневе в Финляндии». Как никто другой Кульнев воплощает образ русского гусара. Это ему принадлежит знаменитая гусарская фраза, приведённая Давыдовым: «Матушка Россия тем и хороша, что все-таки в каком-нибудь углу её да дерутся»[4]. Он продолжил чудаческую традицию, идущую от Суворова, «и в финском колпаке являлся среди боя» на русско-шведской войне. Предчувствовал славную смерть: «Я почитаю счастьем пожертвовать последнюю каплю крови моей, защищая отечество»[4]. Погиб летом 1812 года в сражении под Клястицами. Давыдов пересказывает, как, умирая, Кульнев сорвал с себя крест святого Георгия и бросил его окружающим солдатам: «Пусть неприятель не тщеславится убитием русского генерала»[4].

Под командованием Кульнева Давыдов обучался ратному искусству. «Я прошел курс аванпостной службы при Кульневе...», — писал он в своих «Записках». Будущему партизанскому командиру было ясно, что боевая удача не придёт без самоотдачи, заботы о солдатах, всепоглощающей службы в условиях войны. Денис Васильевич приводит слова Кульнева: «Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армия спала и отдыхала»[4].

Вождь Гомерический, Багратион великий!

Анекдот из XIX века. К Багратиону подсказал его адъютант Денис Давыдов и прокричал: «Ваше превосходительство! Неприятель на носу!» «На чьём носу?» — спросил невозмутимый Багратион. — «Если на Вашем, то пора бить тревогу, а если на моём, то мы успеем ещё отобедать». Действующие лица известны были всей России, как и контрастировавшие физические недостатки на их благородных лицах.

Пять лет служил Давыдов адъютантом Петра Ивановича Багратиона. Молодой офицер боготворил командующего, Багратион отвечал любовью предприимчивому и отважному гусару. Давыдов постоянно подчёркивает полководческую одарённость русского военачальника. Понятно, насколько серьёзную командирскую выучку прошёл талантливый вдумчивый офицер под руководством гениального полководца.

В августе 1812 года перед Бородинской битвой Денис Васильевич обратился к Багратиону с инициативой начать партизанскую войну в тылу французской армии. Багратион оценил значимость Давыдовского предложения и обсудил его с Кутузовым, который впоследствии стал решительным сторонником партизанских действий и значительно увеличил

их масштабы. Пётр Иванович помог собрать небольшой отряд из лучших казаков и гусаров. Давыдов писал: «Он..., благословя меня, сказал: «Ну, с Богом! Я на тебя надеюсь!» Слова эти мне очень памяты!»[4]. Это была их последняя встреча. Багратион будет тяжело ранен в Бородинском сражении и вскоре умрёт от ран. В разгар боёв с противником узнал Денис Васильевич о смерти своего «благодетеля». «Судьба, осчастливив меня особою его благосклонностью, определила мне и то счастье, чтобы отдать первую почесть его праху поражением врагов в минуту сего горестного известия»[4]. В коротком, детально продуманном бою (Багратиону бы это понравилось), французы были повержены и начали сдаваться. Давыдов приказал щадить побеждённого неприятеля, «уверенный, что приличнейшая почесть праху великодушного — есть великодушное мщение»[4].

Прошли годы, великие события и дела отодвинулись во времени. Денису Васильевичу горько было видеть равнодушие и забвение соотечественников по отношению к истинным спасителям Родины. Он стал инициатором перезахоронения праха Багратиона из церкви в селе Сима Владимирской губернии на Бородинское поле. Николай первый согласился и поручил перевезти тело князя Багратиона Денису Васильевичу Давыдову. Соратник великого полководца был к этому времени на смертном одре. Пожелание Давыдова было выполнено, и прах выдающегося русского полководца Петра Ивановича Багратиона упокоился у Главного монумента Бородинского поля.

1812 год

Я был рождён для рокового 1812 года.

Из автобиографии Д.В. Давыдова.

Давно незнаем им покой.

Привет родни, взор девы нежный;

Его любовь — кровавый бой,

Родня — донцы, друг — конь надежный.

Решающая схватка России с наполеоновской Францией была неминуема. Это понимали в русском обществе, в армии. Давыдов пишет, что в 1807 году при заключении Тильзитского мира «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть»[4]. Наш герой — активный участник Отечественной войны с самого её начала — сражался в армии Багратиона. Звёздный час Давыдова наступил, когда ему первому пришла в голову мысль партизанских действий. Он предложил командованию начать нападения на растянутую коммуникационную линию французов, которые далеко ушли вглубь территории России, уничтожать фуражиров, обозы, склады, подходящие к противнику подкрепления, перехватывать курьеров. Тем самым партизаны «истребят источник силы и жизни неприятельской армии»[4].

«К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную», — говорит Денис Васильевич князю Багратиону. Вот важный момент в понимании взглядов Давыдова на историческую роль народа в разгорающемся пожаре войны. Война двенадцатого года была особенной: столкновением двух миров, двух цивилизаций. Агрессоры, от Наполеона до рядового солдата, не понимали русского народа. «Цивилизованным» европейцам было удобно считать русских варварами, тем самым оправдывая дикие бесчинства и грабежи. Французы мародёрствовали в сёлах и городах, расстреливали пленных, позволяли себе надругательства над русскими святынями. Несть числа творимым неприятелем мерзостям. Народ, на земле которого не было

оккупантов с незапамятных времён, почувствовал угрозу православной вере, национальным обычаям, своему существованию. Заслуга Давыдова состоит в том, что он был одним из первых, кто понял, что эта война, отличающаяся от предыдущих невиданным народным сопротивлением агрессору, станет «войной не по правилам», народной войной. Многим русским дворянам трудно было представить, что русскому народу, их крепостным крестьянам присуще стремление к независимости от иностранного владычества, высокое чувство жертвенности, отщепенца врагу за поругание национальных святынь, любви к Отечеству. Давыдов же хорошо знал и понимал русского солдата — выходца из крестьян. Отсюда его органичное сближение с народом во время общенациональной беды.

Отряд Давыдова начал «поиски» среди масс французских мародёров, опустошавших целые волости. «Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства»[4]. Партизаны увидели ожесточение крестьян, их неуступчивость и сопротивление, оказываемое насильникам. Для приобретения доверия у селян Давыдов сменил гусарский ментик, схожий с французской формой, на русский народный костюм. «Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приравниваться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена Святой Анны повесил образ Святого Николая и заговорил с ними языком народным»[4]. Значительно разошлись друг от друга культуры европеизированной элиты и народа. Чтобы устоять в дни всеобщей беды, надо было сблизиться. Столбовому дворянину Давыдову это было не зазорно. Этим объясняется всенародная любовь к нему. Возвращаясь на родину из заграничного похода, в каждом постоялом дворе Денис Васильевич видел лубочные картинки со своим изображением в партизанском костюме. Его популярность превосходила известность других героев Отечественной войны, не менее отличившихся в боях и в кадровой армии, и в партизанских отрядах. Лев Толстой оценил действия Давыдова: «Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение той страшной дубины, которая, не спрашивая правил военного искусства, уничтожила французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны»[7].

Герой 1812 года поэт Фёдор Глинка писал о славном партизане:

*И часто он с толпой башкир и с казаками,
И с кучей мужиков и конных русских баб,
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар — на пушки, на обозы...*

Живописно и верно по существу: в отражении нашествия принимали участие многие народы России, русские женщины беспощадно уничтожали обидчиков, и Давыдов, способствовавший разжиганию народной войны, не постеснялся бы встать во главе такого воинского объединения. Вот только отряд подполковника Давыдова был высокоэффективной боевой единицей, составленный из лучших воинов-профессионалов.

Денис Васильевич формулирует принцип партизанской войны, на основе которого разрабатывается тактика действий: «Убить да уйти — вот сущность тактической обязанности партизана»[4]. Жёсткость формулировки не должна смущать: война дело жестокое. Обязательное охранение, разведка, привлечение местных жителей, захват «языков», внезапные нападения, хитрости в бою по ситуации, ночные перемещения, а главное, постоянное движение отряда, не позволявшее застать партизан на месте предыдущего боя, — всё это подробно описано в «Записках». Отряд постоянно находится в боях. Давыдов талантливо командует, выигрывает одну схватку за другой над численно превосходящим противником. «Это были превосходные, именно с военной точки зрения, победы: очевидно, что

и адъютантом при Багратионе, и в авангарде Кульнева Давыдов пробыл не зря»[6]. Французское соединение, специально выделенное для уничтожения отряда Давыдова, не смогло его настигнуть, само подверглось нападению, и было наголову разбито.

Кутузов понял, что партизанская борьба, подъём народного движения — верный способ достижения победы в войне. Противник был окружён десятками войсковых и крестьянских партизанских отрядов. Под их ударами армия агрессора таяла с каждым днём.

Действия постоянно численно увеличивающейся команды Давыдова становились всё более дерзкими и значительными. Потери врага исчислялись сотнями и тысячами убитых и плененных солдат. Вот описание окончания очередного боя, превратившегося в побоище: «Погоня продолжалась до полудня; кололи, рубили, стреляли и тащили в плен офицеров, солдат и лошадей; словом, победа была совершенная. Я кипел радостью!»[4] Было что вспомнить, поведать с гордостью потомкам!

Сердце нашего воина не ожесточилось в суровых буднях страшной войны, несмотря на гибель близких ему людей и варварство завоевателей. Были, конечно, схватки, когда его «скифы» не брали пленных: в ночном бою или при подавляющем численно превосходстве врага приходилось «катить головнёю по дороге». В иных случаях Давыдов приказывал щадить пленных, перевязывать их и под охраной отправлял к начальству. Спас пятнадцатилетнего барабанщика молодой гвардии Винсента, «довёз его до Парижа здоровым, весёлым и почти возмужалым передал его из рук в руки престарелому отцу его»[4]. Не является ли этот мальчик прототипом францулика, пригретого Петей Ростовым в «Войне и мире»? Типично русский поступок. Кому не было пощады от Давыдова и его партизан, так это предателям. В «Записках» описываются случаи казней изменников Отечества. «...Щадить изменников столько же опасно, как истреблять карантины в чумное время»[4]. Сурово, но справедливо. Это тоже по-русски. «Да воздастся каждому по делам его» [Пс. 61:13].

Рассказ о боевых приключениях партизана воспринимался бы как увлекательный роман, однако Денис Васильевич писал о нелёгкой походной жизни сутками без сна под открытым небом, непрерывных боях, горьких потерях товарищей. И так три месяца до полного уничтожения вражеской армии, вторгнувшейся на территорию России. О трагическом и славном времени наполеоновского нашествия, «океане событий 1812 года» Денис Васильевич вспоминал: «...Взглянешь на Россию ...и представляешь, что она совершила без помощи, без подпоры доброжелателей и союзников, одна сама собою, собственным духом, собственными усилиями, — тогда гордо поднимаешь голову и мыслишь: я русский»[4].

На поэтическом Олимпе

Из всех видов творчества поэзия имеет глубинный национальный характер. Поэтому она так трудно переводима (на самом деле, непереводаема). В богатейшем разнообразии отечественной поэзии ядро составляют поэты, выразившие в своём творчестве архетипические черты русского национального характера. Пушкин, Есенин, Рубцов обрели безусловную любовь русского народа. Благодаря им русские проявили себя в слове. Их лирика рождает пронзительные чувства родного и близкого. «Почему не я это написал?» — не один русский человек, поражённый проникновением в глубины своей души при чтении стихов любимого поэта, задавал себе этот вопрос. В ряд особенных русских творцов достойно вписывается Денис Васильевич Давыдов, он «... как поэт решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии» [3].

Серьёзная творческая литературная деятельность Давыдова началась сочинением произведений «несерьёзного» сатирического жанра. Корнету знаменитого кавалергардского полка

было тогда девятнадцать лет. «К 1803 году он вдруг сочинил три преостроумнейшие басни ... и следом ещё сатирическую виршу «Сон», где прошёлся по петербургской знати...»[6].

Басни содержат прозрачные намёки на деспотические порядки в Российской империи, возможность осуществления государственного переворота. В басне «Орлица, Турухтан и Тетерев» тугой на ухо Александр получил роль Тетерева — «глухой твари», «бестолково-го разини». Сильно, конечно, сказано про самодержца российского, даже оскорбительно. Видимо, Давыдов имел в виду глухоту царя к проблемам страны.

Юный гвардеец, мало думавший о последствиях своей выходки, поразил общество бесшабашной смелостью и ... талантом. Басни напечатаны не были, но распространились по России в списках. Причины появления оппозиционных по содержанию произведений надо искать в «своеволии» гвардии, настроения которой отразил новоявленный поэт. Многие из гвардейцев были недовольны постыдным участием Александра в заговоре, закончившемся убийством отца — императора Павла; состоянием дел в Российском государстве: деспотизмом, произволом, крепостничеством. «... Не всё было благостно в начале «дней Александровых», а потому давидовские сатиры оказались очень к месту»[2].

Смелый поступок Давыдова можно объяснить влиянием старших любимых братьев А.П. Ермолова и А.М. Каховского, уже пострадавших в конце XVIII века за оппозиционную деятельность.

Царь, желавший прослыть либералом, наказал Дениса несильно: убрал из гвардии, сослав в Белорусский гусарский полк. Но всю жизнь Давыдов ощущал последствия своего поэтического дебюта. Злопамятный Александр, а потом и Николай первый, обнаруживший басни Дениса Васильевича в бумагах декабристов, оскорблённые правящие верхи не могли простить Давыдова: его постоянно обходили в чинах и награждениях, оттесняли от военной службы, не пуская на Кавказ. Будет обидно...

А тогда в 1804 году молодой повеса особо не расстроился. Он оказался в армейской гусарской среде, привычной и любимой с детства. Для Давыдова «жизнь была поэзией, а поэзия жизнью, — и он поэтизировал всё, к чему прикасался...»[3]. В творчестве поэта начинается этап гусарской поэзии: Денис «сочинил известный призыв на пунш Бурцеву..., который читать не мог от того, что сам *писал мыслете*»[4].

Гусары — лёгкая кавалерия. Могли действовать в плотных порядках. В этом случае проявлялось коллективное начало, успех зависел от умелого взаимодействия, взаимовыручки воинов. Чаще вели бой в рассыпном строю, и тогда всё определялось индивидуальными способностями кавалериста — личной инициативой, смекалкой, предприимчивостью. Сочетание коллективных и индивидуальных качеств, присущих гусарам, определялось особой ролью в бою и выделяло их в своеобразную армейскую элиту.

Весельчак, выпивоха, гуляка, задира, завсегдатай балов и пиров, дамский угодник, блистающий красотой мундира и гордящийся усами, разрешёнными уставом; а также лихой рубака, отважный воин, безумно смелый в бою, презирающий смерть, преданный товарищам, безупречный в вопросах чести, ищущий славы на поле брани, беззаветно верный долгу перед Родиной, жаждущий схватки с врагами Отечества — вот образ гусара, нарисованный в произведениях Дениса Давыдова. «... Удалое разгулье, любовь к шумным пирам и веселой жизни, при шалостях и повесничестве, могли соединяться с высокостию чувств, благородством в помыслах и жизни»[3]. На самом деле это образ русского офицера любого рода войск конца XVIII — начала XIX века — времени непрерывных войн, которые достойно, победоносно вела Россия.

Гусар — носитель качеств, характерных русскому народу в целом. Наиболее выпукло эти свойства проявляются в значимые периоды нашей истории. Это время наступило,

«время незабвенное! Время славы и восторга!»[10]. «...Война, расковыная инициативу сотен младших офицеров, приучала их смотреть на себя не как на слепых исполнителей чужой воли, а как на людей, в руки которых отдана судьба Отечества и жизнь тысяч других людей»[11]. Роль воинского сословия в судьбе страны была колоссальна, и в русском обществе военные пользовались огромной популярностью и любовью.

Давыдов, знавший до тонкостей особенности воинской жизни, нашёл наиболее адекватную форму выражения её в стихах. Скорее всего, не искал — писал так же естественно, как жил и дышал. Образ воина, представленный в поэзии Давыдова, позволяет понять одну из причин великой победы над нашествием «двунадесяти языков» в 1812 году — европейцы «нарвались» (слово от ребят) на не уступающего им умением, превосходящего их духом и желанием драки (взять реванш за Аустерлиц и Фридланд) лихого русского «гусара».

*Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, поблднеем,
Пожалеет нашу грудь
И в несчастье оробеем...*

Дух захватывает!

В течение всей творческой жизни Давыдов будет возвращаться к жанру гусарской поэзии, воспевая воинскую жизнь, «братское своеволие», подвиги во имя «матушки России», оставит нам шедевры — «Песня» («Я люблю кровавый бой...»), «Песня старого гусара», «Гусарская исповедь».

Особый ряд составляют стихи-воспоминания поэта-партизана, отстранённого от «службы царской»: о безвозвратно ушедших славных временах, великих событиях, активным участником которых он был, своих боевых товарищах. Неизгладимое воздействие на читателя производит военная элегия «Бородинское поле». Давыдов достигает пушкинских вершин классического стиха, впечатляющего необыкновенной силой, ясностью, простотой, искренностью чувства. «Сначала их нужно прожить, многие годы непрерывно воюя, — и только так они вдруг обретают ценность золота и легчайший вес птичьего пера». [6]

Значительное место в творчестве поэта-гусара занимает любовная лирика. «Страстный по натуре, он иногда возвышался до чистой идеальности в своих поэтических видениях»[3]:

*Я был, я видел божество;
Я пел ей песнь с восторгом новым...*

Выдающимся внешними данными Денис Васильевич не отличался: малый рост, нос пуговкой, высокий «бабий» голос, «носил с натяжкой название человека» (Давыдов о себе в стихотворении «Сон»). Однако женщины его любили. Прославленный воин, известный поэт, душа компаний, галантный кавалер пользовался популярностью в дамском обществе. Неизбежно возникали гусарские поверхностные романтические увлечения. Утончённые женщины чувствовали в Давыдове мужское начало, благородство, нежную душу и очаровывались им. Мы благодарны Ивановой и Чирковой, Злотницкой и Золотарёвой, другим

женщинам, вызвавшим в поэте глубокие чувства, подвигшим его на создание удивительно красивых стихов. «Страсть есть преобладающее чувство в песнях любви Давыдова; но как благородна эта страсть, какой поэзии и грации исполнена она...» [3]. Вот одна из прелестных «песен страсти».

Романс

*Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и иступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!*

*Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.*

*Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.*

*Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холонокровье,
Чем мой обманчивый покой.*

Как нежен и чувственен воин, переживший сотни кровавых боёв, видевший тысячи смертей!

Время изменилось к концу жизни нашего героя. «Офицеры упали в глазах общества, победил фрак ...» [1], да и в военной среде возобладали карьерные устремления над мечтами «лишь о славе». И Денис Васильевич написал за два года до смерти своё последнее стихотворение «Современная песня» (в противоположность гусарским песням). В нём Давыдов развенчал чуждых ему лицемерных псевдолибералов. Наступило их время..., время гусарства завершилось, Давыдов вскоре умер.

Признание в «цеху задорном»

Людей одной профессии тянет друг к другу по причинам единства судьбы и взаимопонимания, творческих людей — особенно. Во всех временах мы видим тесное общение писателей и поэтов — литературной элиты. В «Золотой век» русской литературы всё яркое поэтическое сообщество обращалось вокруг Пушкина и притягивалось к нему. Пушкин — «Солнце русской поэзии». Давыдов в среде талантливых «сочинителей» со своими пятьюдесятью девятью стихотворениями и «Военными записками» занимал почётное положение уважаемого всеми литераторами, безусловно любимого Александром Сергеевичем, поэта и прозаика. Давыдов — поэт «Пушкинского круга» — виртуозно владел пером как саблей в бою, являлся новатором в стихосложении и прозе, одним из создателей литературного языка, который мы сейчас называем пушкинским. Этим, как нам представляется, объясняется признание товарищей по сочинительскому цеху.

Сам Давыдов постоянно подчёркивал второстепенный характер своих литературных занятий:

*Я не поэт, я — партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком...*

Писал по вдохновению и при наличии времени, часто не печатал свои стихи, «довольствуясь рукописною славою». Стихи писали тогда многие — модное было занятие. (Хорошая мода — писание стихов!) Но немногие прорвались на поэтический Олимп. Давыдову же писал сам Пушкин:

*Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.*

Гениальный Пушкин признал первенство Дениса Давыдова. Это не просто дань уважения своему старшему товарищу. Саше Пушкину исполнилось пять лет, когда были сочинены и распространялись в списках басни и гусарские стихи Давыдова, написанные лёгким, сочным, искромётным языком, который оценит впоследствии великий поэт. Александр Сергеевич отмечал своеобразие и авторскую независимость поэта-гусара и признавался, что именно благодаря Давыдову он, не поддавшись в молодости авторитетному влиянию модных тогда Жуковского и Батюшкова, «почувствовал возможность быть оригинальным». Конечно же, нельзя не отметить воздействие пушкинского гения на творчество Дениса Давыдова [3]. Пушкин и Давыдов были в дружеских отношениях, на «ты», часто встречались в свете, даже увлекались одними женщинами (оба слыли дамскими угодниками). Отзывы Пушкина о Давыдове и его творчестве были исключительно уважительными. Денис Васильевич в письме по поводу известного эпитафия к «Пиковой Даме» называет Пушкина «всегда единственным родным моей душе поэтом».

Ореол героя судьбоносной войны 1812 года, личное обаяние снискали Давыдову искреннюю любовь в литературной среде. Редко кто из известных (и неизвестных) поэтов не посвятил ему строки, в которых звучат признание, уважение, восторг, любовь.

Евгений Баратынский: *Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!*

Пётр Вяземский: *Носи любви и Марсу дани!
Со славой крепок твой союз:
В день брани — ты любитель брани!
В день мира — ты любимец муз!*

Николай Языков: *Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,*

*И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.*

Личность Дениса Давыдова была «предметом» поэзии, о нём желалось слагать стихи. Друзья от Толстого-Американца до Пушкина постарались.

Анонимный автор в журнале «Библиотека для чтения» писал: «Он умер, не оставив ни одного врага ни в обществе, ни между близкими ему, ни в литературе. В зените и надире русской словесности имя его произносилось с почтением. Белинский почтил его труды выражением светлого сочувствия, Булгарин не ухитрился сказать о нем ничего скверного».

Вильсон и Вальтер Скотт. Европейский взгляд на Россию

Давыдов описывал встречу с Вильсоном — английским полковником, находившимся при главной квартире Кутузова — во время посещения ставки главнокомандующего после сражения при Березине. Англия в очередной раз чужой кровью, на этот раз русской, боролась со своим врагом. Интересы Британии в нашей армии проводил Вильсон. Он требовал от Кутузова активных действий; тактика русского полководца, направленная на сбережение армии, раздражала англичанина. Вильсон беспрестанно интриговал против Кутузова. Давыдов отметил их «взаимное дипломатическое неудовольствие»: Вильсон не смел войти в квартиру главнокомандующего. Полковник заговорил о «несчастьи», которое «не может не терзать каждое английское и русское сердце». «Несчастье», видимо, заключалось в том, что русские генералы упустили Наполеона при Березине. Давыдов с тонкой иронией пишет: «“Английское сердце” невольно навело на уста мои улыбку...»[4]. Практицизм и безоговорочное следование исключительно своим интересам делали смешным упоминание англичанина о сердечных чувствах.

Впоследствии Вильсон написал книгу о России 1812 года. Книга выдержала несколько изданий и сыграла значительную роль в формировании представлений европейцев о России. Свидетель удивительных беспримерных событий «сердечно отблагодарит» русский народ, спасший Европу, в том числе Англию, от Наполеона. Русские представлены в пaskвиле Вильсона дикарями, зверски расправлявшимися с цивилизованными европейцами. Усилившаяся Россия становилась соперником Великобритании в мировой политике, и поэтому на основе чудовищных измышлений «очевидца» создавался образ агрессивной варварской страны. Вильсон сказал то, что от него хотели услышать. Столетия проходят — принципиально ничего не меняется в методах английской политической элиты.

После войны 1812 года Давыдов приобрёл европейскую известность. Народам, освобождённым от наполеоновского гнёта, было понятно, кто внёс решающий вклад в победу над «корсиканским чудовищем». Русские повсеместно пользовались заслуженным уважением. Давыдов написал письмо английскому писателю Вальтеру Скотту с отзывом на его труд «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов» и сразу получил ответ. Завязалась переписка двух выдающихся людей своего времени. Вальтер Скотт с очевидным признанием заслуг русского воинства и лично Дениса Давыдова писал: «Я почитаю немаловажною для себя честью получить в своём уединении письмо Ваше, исполненное столь лестными для меня выражениями. Я тем более ценю это, что автор письма — человек знаменитый, которого подвиги, в минуты величайшей опасности его Отечества, вполне достойны удивления; имя его, украшая самую блестящую и вместе печальную страницу истории России, передастся в позднейшие века. Вы себе не можете представить, как сердца англичан, и в особенности мое, сильно сочувствовали Вам; мы все с надеждой и страхом,

вследствие событий решительных, мысленно переносятся на Ваши биваки, покрытые снегом, и радовались от полноты сердца славному исходу Вашего победоносного поприща». В словах великого британского романиста тоже есть упоминание о сердцах англичан и их сочувствии русским солдатам. В искренность этих слов верится безусловно.

В кабинете Вальтера Скотта вместе с семейными реликвиями висел портрет Чёрного Вождя — Дениса Васильевича Давыдова. Великий писатель был восхищён подвигами русского воина во имя защиты своего Отечества. Автору рыцарских романов, герои которых самоотверженные, бесстрашные, верные долгу поборники справедливости, создателю «Роб Роя», посвящённого борьбе шотландцев за свою свободу, русский гусар был духовно близок.

Участники мероприятий, посвящённых Денису Давыдову, получают огромное эстетическое наслаждение. Чтение прелестных стихов, отточенной прозы, слушание органичного исполнения романсов на стихи Давыдова Александром Дольским, Александром Хочинским и другими певцами, а главное, увлекательный разговор о духовно красивом человеке очаровывает ребят. Поэт подчёркивает, что сам он — «поклонник красоты во всех её отраслях — в юной девице ли, в произведениях художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли, везде слуга её, везде раб её, поэт её». [4] Конец XVIII — начало XIX веков — время большого числа красивых людей, красивых внутренним содержанием, своими мыслями, делами, свершениями. Давыдов, несомненно, один из таких людей.

Безусловно, человек в любом возрасте получит удовольствие от чтения произведений Давыдова. Однако позволим себе заметить: на юношей творчество поэта оказывает особенное воздействие, будоражит их души, тревожит мысли. Пройдут годы, уму и сердцу понадобятся более сложные формы выражения чувств, а сейчас прекрасен Давыдов. Хорошо бы его не «пропустить»!

Наш герой интересен молодым людям своей доблестью, удалей, независимостью, насыщенной военными и любовными приключениями жизнью. Будучи, как все люди не без греха, Давыдов является примером человека высоких нравственных качеств: служения Отечеству, верности долгу, безусловного мужества. Он покоряет своими незаурядными литературными и военными талантами, притягивает ребят качествами, близкими им по национальному родству.

Ярослав Смеляков обращался к Денису Давыдову:

*Утром, вставя ногу в стремя, —
Ах, какая благодать! —
Ты в теперешнее время
Умудрился доскакать.*

Добавим: и в XXI век «доскакал». Нужны нам в наше время такие люди, как Давыдов! Нужны для нравственного устойчивого стояния на ногах! Он зарядит оптимизмом, подорёт непререкаемым авторитетом, укрепит духовно. Читайте стихи и прозу Дениса Давыдова — станет легко и весело, и не страшно! Вот наш соотечественник! «Какой восторг!»

Литература

1. Герцен А.И. Кто виноват? Изд. Карелия, 1980.
2. Бондаренко А. Денис Давыдов. М., 2012.
3. Белинский В. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В режиме доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0290.shtml.

4. *Давыдов Д.* «Я не поэт, я — партизан, казак». М., 2012.
5. *Тарле Е.В.* Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994.
6. *Прилепин З.* Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы. М., 2017.
7. *Толстой Л.Н.* Война и мир // Собрание сочинений: В 12 т. М., 1987.
8. *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988.
9. Победа 1812–2012. Народное образование №9 / 2012.
10. *Пушкин А.С.* Проза. М., 1984.
11. *Лотман Ю.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 2016.

